

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 323.22

ДЖИН ШАРП: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАГИАТ ИЛИ «КЛАССИКА ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»?

GENE SHARP: POLITICAL PLAGIARISM OR «CLASSIC COLOR REVOLUTIONS»?

Р.Г. Аббасов
R.G. Abbasov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod state national research university, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: rasimchik93@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема насилия и ненасилия в культурно-антропологических практиках «бархатных революций», что позволило автору захватить такое обширное тематическое поле, как «насилие и война», «насилие и революция», «насилие и терроризм», «насилие и свобода», «насилие и ненасилие», которое связано не только с медийными слоганами и заголовками в СМИ и интернете, но и с реальными, чуть ли не повседневными феноменами, которые входят в жизнь современного человека.

Resume. The article discusses the problem of violence and non-violence in cultural-anthropological practices of the «velvet revolution» that allowed the author to capture such a broad thematic field, like «violence and war», «violence and revolution», «violence and terrorism», «violence and freedom», «violence and nonviolence», which is concerned not only with media slogans and headlines in the media and the Internet, but with real, almost a daily phenomena, which are included in the life of modern man.

Ключевые слова: революция, насилие, свобода, культурно-антропологические практики, бархатные и цветные революции, терроризм.

Key words: revolution, violence, freedom, cultural-anthropological practices of the velvet and color revolutions, terrorism.

Насилие и ненасилие, как и террор, война или революции имеют длительную историческую перспективу и обладают как культурными, так и антропологическими измерениями. Особое место в этом феноменальном ряду занимают практики так называемых «бархатных» или «цветных» революций конца XX и начала XXI столетий еще не получили должного философского осмысления. Хотя в классической философии и социально-гуманитарном знании накоплено значительное знание и опыт понимания насилия и ненасилия, насилия и свободы, насилия и революционных изменений жизни человека и народов. От идей Платона, Сократа, Аристотеля – через христианские смыслы зла и свободы в трудах Августина, П. Абеляра и Фомы Аквинского – тематическое поле насилия и власти, насилия и политики, насилия и революции, насилия и свободы, насилия и ненасилия разрабатывалось в произведениях Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М. Ганди, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, М.Л. Кинга, философов-экзистенциалистов и более современных мыслителей.

В XIX-XX вв. вклад в решение этой проблематики внесли М.А. Бакунин, О. Бланки, Л.Д. Бронштейн-Троцкий, Л. Гумплович, И.В. Джугашвили-Сталин, К. Маркс, Г. Моски, В.И. Ленин, Мао Дзэдун, Г. Маркузе, Г.В. Плеханов, Ж. Сорель, Г. Спенсер, Ф. Энгельс, Э. Чегевара и др. Идею насилия как биологического свойства человека развивали социобиологи Л. Берковец, К. Лоренц, Б. Мандельштам, З. Фрейд, Э. Фромм, С. Цвейг и другие. Онтологический, социально-философский и философско-антропологические подходы в понимании проблематики насилия и революций, насилия и свободы, насилия и ненасилия представлены в работах Д. Агамбена, А. Бадью, В. Беньямина, Ж. Делёза, С. Жижека, Г. Маркузе, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Рапопорта, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Социологическая парадигма исследования насилия и свободы представлена работами П. Бурдьё,

М. Вебера, Э. Гидденса, М. Фуко, З. Баумана. Революционное насилие рассматривалось в теориях тоталитаризма Т. Адорно, Х. Арндт, Р. Арона, З. Бжезинского, К. Поппера, Ф.А. Хайека, Э. Фромма.

В конце XX века отечественные учёные и философы – А.С. Ахиезер, С.Н. Борисов, Ю.М. Бородай, К.С. Гаджиев, И.М. Голомшток, Ю.Н. Давыдов, Н.В. Загладин, А.А. Зиновьев, Ю.И. Игрицкий, В.М. Кайтуков, А.А. Кара-Мурза, Н.Н. Козлова, А.П. Назаретян, М.П. Одесский, А.С. Панарин, В.А. Подорога, В.П. Римский, М.К. Рыклин, Д.М. Фельдман и др. – исследовали насилие и террор, насилие и свободу в широком пространстве философско-культурологических и философско-антропологических интерпретаций. Этико-философским аспектам агрессии, насилия и ненасилия, революций и тоталитаризма уделяли внимание в своих работах такие отечественные учёные и философы, как Р.Г. Апресян, В.В. Бочаров, А.А. Гусейнов, А.П. Назаретян, А.П. Скрипник, В.С. Степин, и др. Подход к определению феноменов насилия и ненасилия, насилия и свободы, насилия и революций развивали психологи и политологи Ю.И. Авдеев, А. Бернгард, О.В. Будницкий, И.М. Ильинский, Б.Г. Капустин, В.В. Кафтан, М. Коупленд, Б.С. Крылов, В.Н. Кудрявцев, В. Маллисон, С. Маллисон, Д. Лонг, В.В. Лунев, Д.В. Ольшанский, В.Е. Петрищев, Е.Г. Плимак, Ю.С. Ромашев, Ч. Руби, Б. Хоффман и др. Проблематика насилия и войны представлена работами таких зарубежных авторов, как М. Либиг, Ф. А. Фрайхер, П.А. Шерер, Д. Стерлинг, Л. Ларуш.

Однако, проблема насилия, ненасилия в так называемых «бархатных революциях» конца XX и начала XXI столетий еще не получила должного философского осмысления. Основной теоретической экспликацией феномена «бархатно-цветных революций и переворотов»* и практическим пособием по использованию соответствующих политических технологий остаются работы Джина Шарпа и его коллег по Институту Альберта Эйнштейна. Появляющиеся критические отклики на феномены «бархатно-цветных революций и переворотов» до сих пор остаются в основном уделом политической публицистики в СМИ и социальных сетях, что далеко от действительно объективного научного и философского осмысления проблематики насилия, свободы, революций и ненасилия в этом аспекте.

Мы исходим из того, что так называемым «бархатно-цветным революциям» или лучше «бархатно-цветным переворотам» предшествовала специфическая теоретическая проработка соответствующих политических технологий и медийных практик, которые первоначально были названы их основным разработчиком, доктором философии Джином Шарпом, «политикой ненасильственных действий».

Начиная прорабатывать книги Шарпа, мы задали себе два рабочих вопроса-гипотезы: 1. Действительно ли книги Шарпа является каким-то «новым словом» в политологии и социально-гуманитарных науках, «новой классикой» в современной интеллектуальной культуре? 2. Действительно ли «цветные революции представляют собой некие практики «ненасильственного политического сопротивления» насилию? И под углом этих вопросов и пробовали читать тексты Джина Шарпа, изучать его жизненный путь и деятельность.

Остановимся немного на *биографии*, жизненной, интеллектуальной и политической, Джина Шарпа, который родился в 21.01.1928 г. в штате Огайо США, в типичном западном штате, оплоте демократов и либералов, симптоматично называемом «штатом янки»**. Шарп учился в университете штата и в 1949 году получил степень искусств в области социальных наук, а в 1951 году – магистра искусств в области социологии (тема выпускной работы «Ненасильственность»). В годы юности он, как и многие молодые (и не очень) интеллектуалы Западной Европы и Америки придерживался леворадикальных взглядов (был троцкистом) и, разумеется, за «ненасильственное выступление против корейской войны» (он уклонился от призыва на военную службу!) получил после окончания университета девятимесячный тюремный срок.

В 1951-1955 гг. Шарп жил в Нью-Йорке и изучал труды индийского мыслителя, политического и религиозного деятеля Махатма Ганди и других классиков теорий «непротивления злу» (например, американского поэта и мыслителя Генри Торо), интересуясь ненасильственными действиями. Написал книгу о Ганди (историческое документальное исследование): книга «Наследие Ганди как оружие моральной силы» была окончена в 1953 г., опубликована в 1960 г.

После он жил в Европе (1955-1958 гг. – ассистент редактора еженедельника Peace News в Лондоне, Великобритания; 1957-1960 гг. – исследователь в Институте философии и истории идей Университета Осло), где продолжил изучение творчества Махатмы Ганди и классиков теорий «непротивления злу силой», которые утверждали «непротивление в морально-религиозном ключе (нам пока неизвестно, насколько Шарп был знаком с теорией Л.Н. Толстого и заочной дискуссией с ним русского религиозного философа Ивана Александровича Ильина). В 1960-1964 годах обучался в докторантуре Колледжа св. Екатерины в Оксфорде (Великобритания), где в 1964 г. получил учёную степень доктора философии (PhD) по политической философии в Оксфорде за диссертацию «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью» (интересная метаморфоза моральных идей

* Мы будем пока использовать такие столь же гибридные термины, как и сами эти «революции» и «перевороты», понимая необходимость поиска более удачного словесного и понятийного эквивалента.

** Много лет считается, что штат Огайо на выборах президента США является таким же репрезентантом, как в России Красноярский край: голосование там даёт обобщённую модель всей «федерации независимых государств», так как очень точно передаёт все культурные и социально-политические конфигурации североамериканской системы. И в 2016 г. штат проголосовал за республиканца Д. Трампа.

классиков «непротivления злу» видна даже в названии), которая позже и легла в основание всех его «прикладных книг», которые очень часто называют «методичками ЦРУ по цветным революциям».

После возвращения на родину, в США, работает в американских университетах, выстраивая академическую карьеру: 1964-1973 гг. – преподавал на временной и постоянной основе в университетах Осло, Бостона, Южного Массачусетса (с 1972 г. – профессор политологии в Массачусетском университете в Дартмуте) и Гарварде; 1974-1976 гг. – исследователь в Рокфеллеровском центре изучения Конфликтов в международных отношениях; 1974-1983 гг. – работа в Центре международных отношений Гарвардского университета; 1983-1989 гг. – уже директор программы ненасильственных действий Центра международных отношений Гарвардского университета;

С 1983 г. Шарп продолжает сотрудничать с Гарвардским университетом по программе ненасильственных действий и основывает одновременно в Бостоне Институт Альберта Эйнштейна, где по 1990 год и работал в должности Президента.

Институт Альберта Эйнштейна представлял собой в то десятилетие некоммерческую организацию, которая в качестве основной цели декларировала разработку «методов ненасильственных действий в гражданских конфликтах» и возможность их применения в странах Восточной Европы в случае вторжения войск Варшавского договора после начала «гражданского непротivления». Заметим, что это время активного противостояния польской «Солидарности» и польского социалистического правительства; период возникновения аналогичных организаций в других странах «социалистического лагеря» и в СССР; время прихода к власти в нашей стране Юрия Владимировича Андропова; время, когда действительно обсуждалась реальная возможность введения войск в дружеские СССР страны в случае начала «революций» (по примеру Чехословакии в 1968 г.). Смерть Ю.В. Андропова и приход к власти группировки М.С. Горбачёва положили не только конец самим планам, но и развязали в Восточной Европе и на территории СССР весь букет «бархатно-цветных революций».

В 1989 году Институт Альберта Эйнштейна становится процветающей организацией и финансируется такими американскими структурами, как Американский институт мира, Национальный фонд демократии, Фонд Форда, Международный республиканский институт (его возглавляет сенатор Джон Маккейн), что уже само по себе говорит о «демократизме» методов, разрабатываемых шарповским «институтом». За всеми этими организациями стояло и стоит ЦРУ [9]. В своих заявлениях Шарп неоднократно заявлял, что не вмешивается в политические процессы в странах. Но факты говорят, что это далеко не так: Тьерри Мейсан перечисляет в своей публикации многие регионы, где отметился «Институт Альберта Эйнштейна», бархатно провоцируя и консультируя цветные перевороты: от Тибета до киевского майдана.

Да и сам Шарп порой проговаривается о своём прямом практическом участии в политтехнологиях по свержению законной власти: «Я был в Панаме при Норьеге; в Вильнюсе при советских репрессиях; на площади Тяньаньмэнь – и во время демонстрации, и в ту страшную ночь, когда там появились бронетранспортеры; и в джунглях Мейнерплау «освобожденной Бирмы», где располагался штаб демократической оппозиции. Бывал я и там, где погибли люди, – у телебашни и на кладбище в Вильнюсе, в рижском парке, в Ферраре (Северная Италия), где фашисты построили и расстреляли участников Сопротивления, видел и могилы в Мейнерплау. Больно думать, что любая диктатура оставляет после себя столько смертей и разрушений. Заинтересованность и опыт породили твердую надежду, что предотвратить наступление тирании можно. Можно бороться с ней, не истребляя друг друга, можно ее победить и помешать ей вновь возникнуть из пепла» [12: 8]. Налицо лицемерие, дезавуирующее его последние «слова сочувствия».

Ведь лишь в 1991 году – после успеха первых «цветных революций» в Европе – Шарп предусмотрительно перешёл на нейтральную работу «главного исследователя» этого института. Возможно, он вступил в конфликт с некоторыми собственными идеями и моральными принципами, так как увидел, как они используются ЦРУ.

Название этой организации связано с именем Эйнштейна: первая книга Джина Шарпа, написанная в 1960 году и посвященная исследованию методов Махатмы Ганди, начиналась с предисловия Альберта Эйнштейна, т.е. уже после смерти великого учёного, которое было перепечаткой эйнштейновской статьи об отказе от применения насилия. Последний момент очень наглядно демонстрирует, как Шарп манипулирует идеями классиков «непротivления злу», придавая им сугубо политическую ангажированность и превращая в эффективные политтехнологи по свержению неудобных Западу правительств по всему миру.

Основные работы Шарпа: «Наследие Ганди как оружие моральной силы» / «Gandhi Wields the Weapon of Moral Power: Three Case Histories, Foreword by Albert Einstein. Introduction by Bharatan Kumarappa. Ahmedabad: Navajivan Publishing House» (1960); «Гражданская защита» / «Civilian Defense: An Introduction, co-editors Adam Roberts and T.K. Mahadevan. Introductory statement by President Sarvepalli Radhakrishnan». Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, and New Delhi: Gandhi Peace Foundation, (1967); «Изучение ненасильственных альтернатив» / «Exploring Nonviolent Alternatives, Introduction by David Riesman». Boston: Porter Sargent, 1970; трёхтомный трактат «Политика ненасильственного действия» / «The Politics of Nonviolent Action» с переиздававшимся не раз приложением «198 методов ненасильственных действий» / «198 Methods of Nonviolent Action» (1973); «Ганди как политический стратег» / «Gandhi as a Political Strategist» (1960; 1979); «Сделать Европу непокорённой» / «Making Europe Unconquerable» (1986); «Сопротивление, политика и американская борьба за независимость,

1765-1775» / «Resistance, Politics, and the American Struggle for Independence, 1765-1775» (1986); «От диктатуры к демократии» / «From Dictatorship to Democracy» (1993); Джин Шарп & Брюс Дженкинс. «Анти-Переворот» (2003); «Ведя ненасильственную борьбу – практика 20 столетия и потенциал 21 столетия» / «Waging Nonviolent Struggle: 20th Century Practice and 21st Century Potential» (2005).

Книга Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», небольшая по объёму и наиболее популярная, представляется в либеральном сообществе в качестве книги, которая «сыграла большую роль в свержении авторитарных режимов Сербии, Грузии, Украины, Египта и других стран и на сегодняшний день стала классическим руководством по тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления». «Ненасильственное политическое сопротивление» – это именно то, что в современной политической публицистике, СМИ и социально-гуманитарных науках обычно называют «цветными революциями».

«От диктатуры к демократии» Шарпа представляет собой эссе, где он об общей проблеме того, как уничтожить диктатуру и не допустить создания на её месте ещё одной. Оно написано им в бытность профессором политологии в Массачусетском университете в 1993 году по просьбе известного бирманского диссидента в ссылке Тин Манунг Вина (Tin Maung Win), в то время издателя журнала в Бангкоке (Таиланд). Книга была написана в течение нескольких месяцев, поскольку автор использовал десятки лет опыта изучения ненасильственного сопротивления. Впервые книга была опубликована отрывками в журнале Мин Маунг Вина, а в 1994 вышла как буклет на бирманском и английском языках. С того времени книга была переведена на более чем 30 языков и прошла несколько переизданий на английском языке. Она состоит из десяти частей, обозревающих стратегические подходы для ведения ненасильственной борьбы, практику ненасильственной борьбы, источники политической власти, дисциплину ненасильственного сопротивления, и вопросы создания долговременной демократии. Первое приложение книги включает в себя «198 методов ненасильственных действий», взятых из книги Шарпа «Политика ненасильственного действия» (1973), неоднократно переизданных и дополненных с учетом современных методов использования социальных сетей и мобильных приложений.

Неоригинальность мышления и традиции, к которой примыкает Шарп, бросается с первых же строк «Предисловия», когда он пишет: «Много лет меня очень волновал вопрос о том, как предотвратить или разрушить диктатуру. Этот интерес отчасти основывался на вере в то, что людей нельзя подавлять и уничтожать, чем всегда и занимаются такие режимы. Веру подкрепляли книги и статьи о значении человеческой свободы, о природе диктатуры (от Аристотеля до литературы о тоталитаризме), об истории диктатур (в особенности нацистской и сталинской)... Я попытался продумать самые действенные способы борьбы, предполагающие как можно меньше страданий и жертв. При этом я пользовался тем, что дало мне многолетнее изучение диктатур, сопротивления и революций, исследование политической мысли, систем правления и в особенности» [12: 7, 8]. Он перечисляет современные «диктатуры» и «тирании» (речь первоначально шла о временах, когда существовал «реальный социализм»): от Панамы, Польши, Чили, Тибета и Бирмы до китайской агрессии по отношению к инакомыслящим до подавления новой российской властью «путча 19991 года». Это традиция типично либеральная, написанная с абсолютной абстрактных «гуманистических» позиций.

Он пишет: «Благодаря *главным образом неповиновению* с 1980 года пали диктаторские режимы в Эстонии, Латвии и Литве, в Польше, Восточной Германии, Чехословакии и Словении, в Мали, Боливии, на Филиппинах и Мадагаскаре. Ненасильственное сопротивление приблизило демократизацию в Непале, Замбии, Южной Корее, Чили, Аргентине, Гаити, Бразилии, Уругвае, Малави, Тайланде, Болгарии, Венгрии, Заире, Нигерии и в разных частях бывшего Советского Союза, сыграв важную роль в победе над путчем в августе 1991 года» (с. 10). Вот симптоматичная оговорка «главным образом»: а не «главным»? Так ли уж безобидно «неповиновение» в точки зрения классиков «непротивления злу»?

В этой связи мы обратились к обширной публикации в журнале «Вопросы философии» за 1992 год, в которой представлены как статьи классиков «ненасилия», так и отечественных авторов по насилию и ненасилию [6: 5-38; 7: 39-53; 3: 54-64; 2: 65-66; 5: 66-71; 4: 76; 8: 82-94]. Интересно, что эта подборка вышла после первой публикации А.А. Гусейновым в русском переводе статьи Шарпа «Ненасильственная борьба: лучшее средство решения политических и этических конфликтов» и его компендиума «198 методов ненасильственных действий» в журнале «Философские науки» [10; 11]. Поэтому мы приведём интерпретации апологетов теории Шарпа.

Польский логик А. Гжегорчик насилию *противопоставляет* ненасилие: «Цель нашего анализа – этические основы ненасильственных действий. Неприменение средств, уничтожающих противника, может иметь различный характер в зависимости от намерений действующего лица... Ненасильственные действия – это последовательное в этическом отношении поведение, направляемое отчетливым моральным идеалом, основанным на уважении и любви к противнику» [3: 55]. Итак, перед нами чисто этическая оппозиция «насилие – ненасилие», которая присутствует и в статье А.А. Гусейнова, где последний автор пишет о том, что «насилие органично человеческой природе» [4: 76].

А. Гжегорчик при этом сам себе противоречит: «Неприменение средств, уничтожающих противника, может иметь различный характер в зависимости от намерений действующего лица. Оно может быть лишь частью *тактики, конечной целью которой является уничтожение противника* (выделено нами – авт.). Однако многие лица, избирающие ненасильственные действия правилом своего поведения, делают это не по тактическим, а по принципиальным этическим со-

ображениям. Именно они получают интересные результаты» [3: 55]. Получается, что «неприменение средств, уничтожающих противника» может быть включено в некую тактику, имеющую целью «уничтожение противника»... И далее: «Сравнение же ненасильственной борьбы с другими видами борьбы показывает ее несомненное преимущество, связанное с тем, что в случае других видов борьбы зачастую погибает или страдает очень много людей, которые или вообще не участвовали в конфликте, или же были в него втянуты вопреки своей воли, в то время как жертвами ненасильственной борьбы являются, как правило, только те, кто сам хочет быть её жертвой (выделено нами – авт.). И поэтому количество жертв в случае ненасильственной борьбы значительно меньше» [3: 55]. Но если есть «жертвы», то о каком «ненасилии» может идти речь? Логика требует определённости: или «насилие», или «ненасилие»...

И ещё: Можно сказать, что засвидетельствование ценности является основным видом нажима, применяемого ненасильственными деятелями. Для засвидетельствования ценности деятели ненасилия зачастую готовы преодолевать (в том числе и с помощью силы) барьеры ограничений, которые изолируют друг от друга тех, которые должны вступить в контакт на основе определенных ценностей» [3: 62]. Мы можем простить подобную апологетику поляку, явно сочувствовавшего действиям польской «Солидарности» в 80-е годы XX века. Но как же мыслят отечественные авторы?

А.А. Гусейнов, справедливо связывая «ненасилие» с некоей «силой», пишет: «Ненасилие как раз и является позитивным, конструктивным выражением силы; оно тоже есть сила, притом более сильная, чем насилие (выделено нами – авт.)» [4: 79]. Итак, «ненасилие» – это хорошо, так перед нами «позитивная, конструктивная сила», а «насилие» – плохо...

Он же пишет: «Ненасильственное движение имеет своих активистов, лидеров, однако один из важнейших признаков, по которому руководители выделяются среди остальных участников борьбы, состоит в том, что они в первую очередь и охотно принимают на себя возможные и, как правило, неизбежные репрессии (выделено нами – авт.)» [4: 79]. Вот теперь понятно: репрессии тиранов – это плохо, а репрессии «революционеров» – это хорошо... Кто же нам разделит «плохие» и «хорошие» репрессии? Прямо как в стихах В.В. Маяковского: Кроха сын пришёл к отцу, и спросила кроха... Кто же этот моральный Отец, который авторитетно ответит либеральным крохам? Наверное, сам Шарп.

Если не вдаваться в подробный анализ текстов, а лишь вчитаться в шарповские «198 методов ненасильственных действий», мы обнаружим столь же парадоксальные с точки зрения логики «насилия – ненасилия» моменты.

Приведём из первого раздела «Методы ненасильственного протеста и убеждения» такие политехнологии (по их номерам в авторском исполнении), которые разумеется, предполагаются со стороны оппозиции легитимной власти: 1. Публичные выступления; 2. Письма протеста или поддержки; 3. Декларации организаций и учреждений; 4. Публичные заявления, подписанные известными людьми; 5. Декларации обвинения и намерений; 6. Групповые или массовые петиции; 7. Лозунги, карикатуры и символы; 8. Знамена, плакаты и наглядные средства; 9. Листовки, памфлеты и книги; 10. Газеты и журналы; 13. Депутации; 15. Групповое лобби; 16. Пикетирование.

Мы убрали из списка «методов» очевидные наработки XXI века типа различного рода перформансов и т.п. Можно задать риторический вопрос: А что тут нового, что отличает действия «ненасильственных революционеров» от «насильственных», начиная от времён Французской революции и до наших событий февраля и октября 1917 года? Ничего... Всё новое оборачивается хорошо забытым старым: перед нами просто-напросто методы идеологической подготовки свержения легитимной власти, что само по себе с юридической точки зрения является насилием над существующей государственностью, часто олицетворённой и персонифицированной. Пример из наших времён: допустим, что В. Янукович ушёл под воздействием вот этих «карикатур, публичных выступлений, петиций, депутатий и т.п.». Ушёл... Но что потом последовало? Не просто угроза насилия, но разгул террора по всей стране. Также было и в либеральной «бескровной» революции в феврале 1917 года в России.

Допустим, что следующие методы «Символические общественные акции» вообще «безобидны»: 18. Вывешивание флагов, использование предметов символических цветов; 19. Ношение символов; 20. Молитвы и богослужения; 21. Передача символических объектов; 22. Раздевание в знак протеста; 23. Уничтожение своей собственности; 24. Символическое зажигание огней (факелы, фонари, свечи)... Стоп! Факелы в нацистских шествиях, как и в акциях их бандеровских приемников, «ненасильственны»? Ну, может быть... Только символы носят в себе бесконечное разворачивание смыслов: в факелах нацистов горело пламя Холокоста, а в факелах их наследников – люди, сгоревшие в Доме профсоюзов Одессы и в пожарищах войны на Донбассе.

А вот ещё перл: 161. Ненасильственное психологическое изнурение оппонента... Вот это как можно «ненасильственно изнурять»? Канючить у треклятого Януковича: «Витя, ну отдай, коррупционер, власть...»? Или: 173. Ненасильственная оккупация... Пришли усталые и вооружённые винтовками караульные в Учредительное собрание или боевики с битами и зажигательной смесью в Верховную раду и говорят: всё, хватит, кончилась ваша власть! И те, легитимная выбранная народом власть, этак бочком-бочком и скрылись ненасильственно в коридорах истории...

Но есть и ещё интереснее: в разделе «Методы отказа от политического сотрудничества» мы находим под номером 148 такой «ненасильственный метод», как «мятеж». Это с каких пор «мятеж» выступает этаким действием Санта Клауса в Новогоднюю ночь на киевском майдане или в любом другом месте применения шарповских технологий «насилия»? Ну, тогда и штурмы Версальского или

Зимнего дворцов был «ненасильственными действиями»... Что здесь нового? Уж лучше бы Шарп не занимался фальсификацией истории и идей Льва Толстого, Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, и, чтобы избежать откровенного плагиата, ссылаясь на Марата, Робеспьера, Троцкого и других мировых революционеров, апологетов насилия, избегавших ненасильственной моралистической софистики.

Потому во все времена любым политическим действиям с захватом власти декларируемое «ненасилие», «борьба за свободу» и «гуманизм» оборачиваются порой ещё большими несвободой, насилием и унижением человека. Потому и сам Шарп, подводя итоги «освобождений» в наши времена пишет: «За последние десятилетия в мире появилась тенденция к расширению демократии и свободы... Во многих странах происходят экономические, политические и социальные изменения. Хотя за последние годы число свободных стран увеличилось, остается большая опасность – не исключено, что такие быстрые изменения приведут не к свободе, а к новым формам диктатуры. Военные группировки, честолюбивые лидеры и приверженные догмам партии постоянно пытаются навязать населению свою волю. Государственные перевороты происходят и сейчас, и вполне возможны в будущем. Основные права человека и политические права по-прежнему недоступны для многих и многих народов» (с. 11, 12). Комментарии излишни, примеры на слуху. С.Н. Борисов и В.П. Римский справедливо отмечают, что «тут возникает ситуация, связанная и с логикой концепта, и с практическим бытием феномена насилия, когда в контексте его *утреждения*, обоснования и апологетики всякая «дозволенность» любого насилия ставится под сомнение, так как мы всегда и неизбежно будем возвращаться к необходимости вести речь о «большем» или «меньшем» насилии, которое невозможно измерить, о «субъекте оценки», «аксиологической шкале» и т.п.» [1: 83]. Мы думаем, что вполне достаточно. Всё новое обрывается при внимательном чтении хорошо забытым старым...

И у Дж. Шарпа «ненасилие», объединённое с политическими технологиями «антиитеранических переворотов», приводит к тому печальному итогу, «что «благочестивое» ненасилие в политике всегда оборачивается насилием, провоцирует его, являясь зачастую таким же насилием, только с «положительными» коннотациями» [1: 86]. В этом горизонте открывается необходимость исследовать как классические теории насилия и революции, в том числе и прежде всего марксистские, так и революционные практики последних столетий. Но это уже тема другой работы.

Список литературы References

1. Борисов С.Н., Римский В.П. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // Дискурсы власти: коллективная монография /Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов (отв. ред.). Орёл, 2015. С. 72-106.
Borisov S. N., Roman V. P. Philosophical understanding of violence: the meanings and connotations of // the Discourses of power: collective monograph /N.. Merkurjev, A. V. Ovsyannikov, A. G. Shepherd (ed. ed.). Eagle, 2015. P. 72 - 106.
2. Ганди М.К. Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. 1992. №3.
M. K. Gandhi, My faith in nonviolence // problems of philosophy. 1992. No. 3.
3. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. №3.
Grzegorzczuk A. Spiritual communication in the light of the ideal of nonviolence // problems of philosophy. 1992. No. 3.
4. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. №3.
Huseynov A. A. Ethics of nonviolence // problems of philosophy. 1992. No. 3.
5. Кинг М.Л. Любите врагов ваших // Вопросы философии. 1992. №3.
King M. L. Love your enemies // Questions of philosophy. 1992. No. 3.
6. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) // Вопросы философии. 1992. №3. С. 5-38.
K. Lorenz Aggression (the so-called evil) // Questions of philosophy. 1992. No. 3. P. 5-38.
7. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. 1992. №3.
Laurence K. Eight deadly sins of civilized humanity // Questions of philosophy. 1992. No. 3.
8. Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс // Вопросы философии. 1992. №3.
Nazaretyan, A. P., Historical evolution of morality: progress or regress] // Questions of philosophy. 1992. No. 3.
9. Тьерри Мейсан. Институт Альберта Эйнштейна: отказ от применения насильственных методов в версии ЦРУ. URL: <http://www.voltairenet.org/Institut-Al-berta-Ejnshtejna-otkaz>.
Thierry Meyssan. The albert Einstein institution non-violence version CIA. URL: <http://www.voltairenet.org/Institut-Al-berta-Ejnshtejna-otkaz>.
10. Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения политических и этических конфликтов // Философские науки. № 11. М., 1990.
J. Sharp. Nonviolent struggle: a better means for solving political and ethical conflicts // Philosophical Sciences. No. 11. M., 1990.
11. Шарп Дж. 198 методов ненасильственных действий // Философские науки. № 12. М., 1990.
J. Sharp. 198 methods of nonviolent action // questions of philosophy. No. 12. M., 1990.
12. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / 2-е изд., испр. М., 2012.
J. Sharp. From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation / 2nd ed. Rev. M., 2012.